

УДК 343
ББК 67.408
С 34

Э.Л. Сидоренко,

*кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии
Российской правовой академии Минюста России, г. Москва,
e-mail: 12011979@list.ru.*

Право личности на самозащиту и его логико-структурный анализ (Рецензирована)

Аннотация. В работе раскрыт качественно новый подход к определению уголовно-правовой природы самозащиты личности. На основе критического анализа законодательства и доктринальных источников установлено несоответствие института обстоятельств, исключающих преступность деяния, его превентивной функции и современному уровню криминальных угроз. Особое внимание уделено авторской модели самозащиты личности, основанной на установлении основания возникновения права на самозащиту и признаков состава оборонительных действий.

Ключевые слова: право на самозащиту, состав оборонительных действий, основание возникновения права на самозащиту, необходимая оборона, крайняя необходимость, объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона, посягательство, защита, опасность.

E.L. Sidorenko,

*Candidate of Jurisprudence, Associate Professor of Criminal Law and Criminology
Department of the Russian Legal Academy of Ministry of Justice, Russia, Moscow, e-
mail: 12011979@list.ru.*

The right of self-defense for the person and its logical-structural analysis

Abstract. The work discusses the qualitatively new approach to definition of the criminal-legal nature of self-defense for the person. On the basis of the critical analysis of the legislation and doctrinal sources, discrepancy is established between the institute of the circumstances excluding criminality of act, and its preventive function and contemporary level of criminal threats. The special attention is given to the author's model of self-defense for the person basing on an establishment of the grounds for the occurrence of the right of self-defense and signs of structure of defensive actions.

Keywords: the right of self-defense, structure of defensive actions, the grounds for occurrence of the right of self-defense, necessary defense, emergency, object, the objective party, the subject, the subjective party, an encroachment, protection, danger.

Переход к неизвестным ранее моделям государственного и социально-экономического управления привел к трансформации ментального и информационного поля, вызвал социальную напряженность и активизировал криминальное насилие в его качественном и количественном проявлениях. Наблюдаемое на этом фоне бессистемное реформирование правоохранительных органов сопровождается существенным ослаблением публичных механизмов уголовно-правовой охраны и нивелированием системы виктимологической безопасности.

В условиях кризиса уголовной политики закономерным выглядит возрождение научного и практического интереса к необходимой обороне и иным способам причинения вреда при обстоятельствах, исключающих преступность деяния. Актуальность этого направления объясняется также стереотипностью и архаизмом учения о пределах правомерности причинения вреда.

В теории уголовного права сложно найти область исследования, которая бы испытывала на себе такое же влияние идеологических установок, кризиса научного инструментария и «точечного» реформирования, какое испытывает институт обстоятельств, исключающих преступность деяния.

Сложившейся в советское время подход, ориентированный на установление правомерности причинения вреда через отрицание признаков преступления, не может удовлетворять уровню криминальных угроз и низкой эффективности правоохранительной деятельности. Между тем, современные монографические работы, как правило, посвящены анализу правовой природы обстоятельств, исключающих преступность деяния, в контексте определения основания и условий правомерности причинения вреда и регламентации вопросов уголовной ответственности за превышение мер защиты.

Наука и практика озабочены не столько созданием возможностей для реализации лицом своего естественного права на защиту, сколько обеспечением безопасности причинителя вреда. Как следствие, отсутствует целостное восприятие системы средств самозащиты и их социально-правовой значимости в предупреждении общественно опасных посягательств, что, несомненно, приводит к ущемлению прав личности по защите своих интересов, затрудняет применение уголовного закона и порождает многочисленные ошибки в следственно-судебной практике [1].

Нельзя не согласиться с Е.Ю. Федосовой в том, что в российской уголовной политике «необходимо создать ассиметричную ситуацию, когда интересы лица, отражающего посягательства, будут приоритетными по сравнению с интересами нападающего» [2]. Но для этого недостаточно внести изменения в УК РФ. Требуется кардинальная ломка стереотипов, которая может быть осуществлена через отказ от традиционного рассмотрения вынужденного причинения вреда как «недопреступления» и создание такой теоретической модели, которая бы позволила «развернуть» предписания главы 8 УК РФ лицом к обороняющемуся.

Полагаем, что в современных условиях эта модель может быть выражена через институт самозащиты личности. Его становление связано с принятием Конституции, впервые закрепившей положение о том, что «каждый вправе защищать свои права и интересы всеми способами, не запрещенными законом» (ч. 2 ст. 45 Конституции). Именно эта конституционная норма создала «полноценное правовое основание для постановки вопроса о гарантиях реализации права на необходимую оборону и другие средства самозащиты» [3].

В отечественной доктрине отсутствует единый научно обоснованный подход к определению категории «гражданская самозащита», не установлено ее место в системе иных уголовно-правовых институтов и понятий.

Под защитой понимается «то, что защищает, служит обороной» [4]. Защищать — значит, «охраняя, оградить от посягательства, от враждебных действий, от опасности; предохранить, обезопасить от чего-нибудь» [4]. Этот термин нередко отождествляется с понятием «оборона», хотя по своему смысловому значению оборона является одним из средств защиты (оборонять — это «защищать, отражая нападение противника» [4]).

В российском законодательстве семантические различия между этими терминами нивелируются. Так, в Конституции говорится о личной «защите» прав и

свобод человека и гражданина, а в уголовном законе применяется термин «оборона». Учитывая, что понятие «защита» в отечественном праве употребляется также в контексте судебной, юридической защиты, а термин «оборона» более полно и детально отражает взаимодействие защищающегося и обороняющегося, представляется, что использование слова «оборона» уместно ограничить вопросами необходимой обороны, в то время как систему этих средств следует определять через категорию «защита».

Неоднозначным в теории уголовного права является толкование термина «самозащита». По мнению С. М. Михайлова, «она применяется для защиты только персональных прав и свобод, поскольку те же действия в интересах других лиц будут уже защитой, а не самозащитой» [5]. С этим мнением сложно согласиться. Во-первых, ограничение системы средств защиты прав и свобод на основе специфики их носителя не укладывается в конституционную модель равных возможностей лиц по обеспечению собственных интересов и интересов другой личности, общества или государства. Во-вторых, искусственно дробятся целостные по природе институты необходимой обороны и крайней необходимости, не проводящие различий в правовых режимах на основе принадлежности защищаемых интересов.

При семантическом и юридическом толковании термина «самозащита» основной акцент следует делать на способ защиты, а не на носителя защищаемого субъективного права и понимать под искомым понятием самостоятельные юридически значимые действия (реже бездействие) лица, направленные на обеспечение сохранности собственных прав и законных интересов третьих лиц, общества и государства.

Такой подход позволяет сохранить идейную целостность уголовно-правовых институтов самозащиты, объединить их в относительно самостоятельный правовой институт и отграничить от карательно-репрессивных мер сдерживания преступности [6].

Следует разграничивать понятия «самозащита» и «право на самозащиту». Если первый термин характеризует юридически значимые действия лица, направленные на обеспечение сохранности прав и свобод посредством причинения вреда иным охраняемым законом интересам, то второй определяет нравственно-правовое основание этой деятельности и представляет собой предусмотренную законом возможность в определенной ситуации причинять вред с целью защиты основных прав и интересов личности, общества и государства.

Право на самозащиту длительное время признавалось априори, и вопрос об осмыслении его социально-правового и нравственного основания практически не ставился. И только сейчас, когда для всех стали очевидны обвинительный уклон в оценке действий обороняющегося и несостоятельность карательно-репрессивных механизмов борьбы с преступностью, эта проблема приобретает новое звучание.

Какова социально-юридическая природа права лица на самозащиту?

По утверждению Э. Ф. Побегайло, право на самозащиту вытекает из «присущего человеку от рождения права на жизнь» [7]. Как отмечал Н. С. Таганцев, «право на самозащиту есть естественное, прирожденное право в том смысле, что выступает одной из форм проявления борьбы за существование, охватывающей все мироздание. Оно вытекает из самой природы вещей, из самой принадлежности к роду человеческому» [8]. С точки зрения учения Г. В. Ф. Гегеля, право на самозащиту есть отрицание отрицания права, т. е. неправды: «Лишение граждан права обороны было бы равносильно допущению возможности реального бытия неправды» [9].

Высказанные позиции не могут быть признаны удовлетворительными, поскольку предполагают доказанным то, что еще только требует доказательств. В первом случае — прирожденность права; во втором — естественность права (между

тем оборона правомерна только потому и поскольку она допускается положительным правом); и, наконец, в третьем случае — ничтожность самого неправа.

Легитимность права на самозащиту выражена в единстве двух составляющих:

1) вынужденность защиты (субъективный элемент права) означает, что действия защищающегося совершались под влиянием внешних факторов в отсутствие антисоциальной установки причинителя вреда;

2) социальная полезность (объективный элемент). Право на самозащиту не только не противоречит праву и правопорядку, а, напротив, обеспечивает его существование и развитие. Поскольку защита права и правопорядка входит в сферу деятельности не только государства, но и частных лиц, деятельность последних в интересах отдельной личности, общества или государства является правомерной и социально полезной.

Таким образом, право на самозащиту относится к числу социально поощряемых субъективных прав человека, выступает гарантом по отношению к основным правам личности, общества и государства и реализуется при нарушении либо угрозе нарушения законных интересов.

При реализации этого права возникают правоотношения, структурно состоящие из следующих элементов:

- 1) субъектный состав (лицо, имеющее право на самозащиту, и посягающий);
- 2) объект правоотношения (основное право личности, общества и государства, защита которого осуществляется посредством реализации права на самозащиту);
- 3) содержание (право лица на причинение вреда охраняемым законом интересам при осуществлении самозащиты);
- 4) юридический факт (настоящее право может быть реализовано в момент причинения либо создания угрозы причинения вреда находящимся под защитой правам и интересам).

Причинение вреда при осуществлении права на самозащиту осуществляется в рамках уголовно-правовых институтов, условно обозначаемых нами как уголовно-правовые средства самозащиты.

Не само по себе право на самозащиту, а его реализация составляет комплексный юридический институт, нормы которого раскрывают способы и средства осуществления самозащиты.

Основой этого института являются ст. 45 Конституции, общепризнанные принципы и нормы международного права.

Его социально-правовое содержание составляют предпринимаемые лицом самостоятельные меры по обеспечению сохранности законных прав и интересов личности, общества и государства, выражающиеся в причинении уголовно значимого вреда при совершении действий по предупреждению и пресечению общественно опасных посягательств.

Исходя из этого определения основным способом реализации права на самозащиту является правомерное причинение вреда, оцениваемое в рамках средств самозащиты.

К правовым средствам уголовно-правового основания самозащиты следует относить нормы о необходимой обороне (ст. 37 УК) и крайней необходимости (ст. 38 УК).

Во избежание схоластического анализа указанных выше институтов считаем необходимым отказаться от привычного подхода, сводимого к поиску различий между обстоятельствами, исключаящими преступность деяния, и преступлениями. Современные криминальные вызовы диктуют необходимость рассмотрения

необходимой обороны и крайней необходимости с позиции их целесообразности и соответствия социальной значимости естественного права человека на самозащиту.

Для этого следует определить общий критерий оценки правомерности осуществления права на самозащиту. Реализация поставленной задачи, на наш взгляд, возможна при рассмотрении проблемы в двух аспектах:

- 1) с позиции правовой оценки юридического основания реализации права на самозащиту;
- 2) в плоскости определения юридического состава реализации этого права (иначе говоря, установления объективных и субъективных признаков причинения вреда при защите законных интересов в состоянии необходимой обороны или крайней необходимости).

При таком подходе институт самозащиты наполняется новым содержанием, выявляет соотношение посягательства и защиты и позволяет определить допустимые границы осуществления права на причинение вреда при обеспечении сохранности основных прав и свобод личности.

Но прежде предварим анализ следующими замечаниями:

1) право на самозащиту представляет собой право физического лица на обеспечение неприкосновенности и сохранности своих прав и свобод, интересов третьих лиц, общества и государства посредством причинения вреда иным охраняемым уголовным законом интересам;

2) в целях системного анализа уголовно-правовых средств самозащиты и определения юридического основания их правомерности предлагается использовать универсальную модель состава защитного вредоприняющего деяния, объективные и субъективные признаки которого находятся в тесном взаимодействии и наиболее рельефно отражают дихотомию отношений «посягательство — защита»;

3) состав защитного вредоприняющего деяния необходимо рассматривать как философскую конструкцию, некий предикат, отражающий соотношение внутренних и внешних характеристик деяния [1].

На основе предложенной модели предлагаем очертить границы научного поиска и через обзорный анализ необходимой обороны и крайней необходимости оценить научную состоятельность нового подхода.

Условия правомерности необходимой обороны могут быть разделены на две группы:

- 1) условия, характеризующие основание возникновения и прекращения права на необходимую оборону;
- 2) объективные и субъективные признаки, определяющие пределы реализации права на самозащиту.

К числу признаков первой группы следует относить общественную опасность, действительность и наличность посягательства.

Под общественной опасностью посягательства понимается способность деяния причинить вред либо создать угрозу причинения вреда охраняемым уголовным законом правам и интересам. Она является одним из условий реализации права на оборону от преступлений (в том числе должностных лиц), общественно опасных деяний (действий и бездействий) малолетних, невменяемых и лиц, действующих в силу фактической ошибки или непреодолимой силы, а равно невиновного причинения вреда.

Действительность посягательства означает, что оно должно быть объективно существующим, а не воображаемым. Выделение этого условия имеет важное значение, поскольку позволяет разграничить необходимую и мнимую обороны.

Наличность посягательства является третьим условием, характеризующим основание возникновения права на самозащиту. Грамматическое и логическое

толкование нормы ст. 37 УК позволяет предположить, что право на необходимую оборону возникает у лица с момента создания реальной опасности нарушения охраняемых законом интересов, а прекращается в момент фактического окончания общественно опасного посягательства либо устранения реальной опасности нарушения законных прав и интересов (речь идет об оконченом преступлении, добровольном отказе, пресечении преступления третьими лицами и пр.).

Если рассмотренные выше условия определяют юридическое основание реализации права на необходимую оборону, то юридический состав оборонительного вредопричиняющего деяния формирует содержательную часть исследуемого института.

Объект оборонительных действий составляют законные права, свободы и интересы посягающего, которым фактически причиняется вред при осуществлении права на необходимую оборону.

О возможности причинения вреда при самозащите свидетельствует ст. 55 Конституции, в соответствии с которой права и свободы человека могут быть ограничены только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Вопрос заключается в том, как далеко распространяется право лица на самозащиту. Статья 37 УК дает неоднозначный ответ. Законодатель дифференцирует правовую оценку оборонительных действий в зависимости от двух обстоятельств — объекта и способа преступного посягательства:

1) допускается нарушение любых прав и интересов посягающего при защите личности и прав обороняющегося и других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни и здоровья (ч. 1 ст. 37 УК);

2) при защите от посягательства, не сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, оборонительные действия не могут явно не соответствовать характеру и опасности посягательства (ч. 2 ст. 37 УК).

Прежде чем изложить авторское видение объекта защитных действий, определим исходные посылки анализа:

1) в основу оценки правомерности действий защищающегося должен быть положен тезис о том, что право на причинение вреда в состоянии необходимой обороны является гарантом по отношению ко всем основным правам и свободам человека и гражданина. Признавая общественную полезность необходимой обороны, следует отразить в законе «привилегированное» положение обороняющегося посредством установления исчерпывающего перечня объектов защиты, допускающих причинение любого вреда посягающему;

2) методологически ошибочным является определение возможного объекта оборонительных действий через установление способа и средств обороны. В ч. 1 ст. 37 УК в качестве объекта защиты указаны личность, права обороняющегося и других лиц, охраняемых интересов общества и государства. Посредством детализации способов посягательства законодатель определил дополнительный объект защиты — жизнь человека и именно с этим обстоятельством связал вопрос о «беспредельности» необходимой обороны. В этом контексте нельзя не отметить смешение разнопорядковых категорий. Полагаем, что законодателю следовало более последовательно подойти к решению анализируемой проблемы и закрепить в ч. 1 ст. 37 УК два отличных друг от друга положения:

♦ предписание, отражающее естественное право лица на необходимую оборону: человек вправе собственными действиями защищать личность и права обороняющегося или других лиц, охраняемые законом интересы общества и государства от общественно опасного посягательства;

♦ определяющее основание беспредельной обороны: причинение любого вреда нападающему правомерно в ситуации обороны от причинения смерти или угрозы ее причинения обороняющемуся или другому лицу. В основе этого тезиса лежит положение о том, что не является преступлением причинение вреда посягающему, если посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия.

Объекту «беспредельных» оборонительных действий по своей социальной значимости соответствуют только два объекта посягательства — жизнь и здоровье человека, причем о втором объекте следует говорить только в случае причинения либо создания угрозы причинения тяжкого вреда здоровью.

Что же касается иных объектов посягательства, то пределы правомерности защиты напрямую зависят от того, наблюдается ли их явное несоответствие объектам оборонительных действий. Если оно имеется, налицо превышение пределов необходимой обороны [6].

При отсутствии явного несоответствия объектов посягательства и защиты возможны два варианта: 1) оборона признается правомерной; 2) наличествует превышение пределов необходимой обороны при явном несоответствии иных признаков составов посягательства и защиты.

В целом можно говорить о том, что объектом причинения вреда являются любые охраняемые законом права и интересы посягающего, но не третьих лиц. Именно в направленности вредоносных действий выражается социально-правовая значимость института необходимой обороны.

Объективную сторону оборонительных действий составляют основные (деяние, последствия, причинная связь) и факультативные (время, место, обстановка, орудия, средства) признаки самозащиты.

Реализация права на необходимую оборону может выражаться в форме активных действий. Что же касается последствий оборонительных действий, то их характер напрямую зависит от ценности защищаемых благ. Если посягательство было направлено на причинение смерти либо тяжкого вреда здоровью, правомерность причинения вреда любым правам и интересам посягающего очевидна вне зависимости от способа, средств, обстановки и других объективных признаков самозащиты.

При оценке правомерности оборонительных действий следует принимать во внимание все без исключения признаки объективной стороны, но рассматривать их не в рамках категорий интенсивности (А. П. Дмитренко) или целесообразности (В. И. Ткаченко), а на основе системного подхода, предполагающего: учет своевременности посягательства; оценку однопорядковых категорий (например, способов посягательства и защиты); рассмотрение признаков составов посягательства и оборонительных действий в их тесном взаимодействии; признание наличия права на беспредельную оборону вне зависимости от признаков объективной стороны защиты.

Субъективная сторона оборонительных действий выражается в том, что лицо, реализуя право на самозащиту, осознает социальную полезность и правомерность своих действий, предвидит возможность нарушения законных интересов посягающего и желает причинения им вреда. Целью настоящих действий является защита обороняющимся собственных интересов, прав и свобод третьих лиц, общества и государства.

Новое направление в субъективной стороне необходимой обороны задало принятие Федерального закона от 08.12.2003 № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» [10], который предусмотрел в ст. 37 УК ч. 2.1 следующее содержание: «Не являются превышением пределов необходимой обороны действия обороняющегося лица, если это лицо вследствие неожиданности посягательства не могло объективно оценить степень и характер опасности нападения». Презюмируется, что обороняющийся заведомо не готов к отражению нападения и, как следствие, не успевает в полной мере соотнести свое поведение с обстановкой и характером посягательства. «Субъект, участвующий в конфликте, как правило, находится в состоянии выбора, часто сопряженного с риском. И этот выбор отнюдь не всегда осуществляется рационально, продуманно, с взвешиванием всех возможностей» [11].

Поскольку необходимая оборона относится к числу естественных прав человека, очевидно, что ее субъектный состав не может быть ограничен какой-то отдельной категорией граждан. Она не может также трансформироваться в юридическую обязанность сотрудников правоохранительных органов. На это указывает ч. 3 ст. 37 УК: «Положения нормы о необходимой обороне распространяются на всех лиц независимо от их профессиональной или иной специальной подготовки и служебного положения, а также независимо от возможности избежать общественно опасного посягательства или обратиться за помощью к другим лицам или органам власти».

Что же касается крайней необходимости, то по своей социально-правовой значимости она существенным образом отличается от института необходимой обороны. Если социально полезный характер необходимой обороны заключается в отражении нападения посредством причинения вреда посягающему, то в ситуации крайней необходимости вред причиняется законным интересам третьих лиц.

В группу условий, определяющих основание для реализации права на самозащиту, включены обстоятельства, характеризующие опасность. Именно опасность вызывает потребность в реализации принадлежащего человеку права на защиту собственных интересов или интересов третьих лиц, общества и государства всеми не запрещенными законом способами, в том числе и правомерным применением насилия.

К числу таких обстоятельств традиционно относятся: источник опасности, наличие опасности и действительность опасности.

Источником опасности может быть любой внешний фактор (событие или состояние), который создает угрозу причинения вреда законным интересам личности, общества или государства. При этом не требуется, чтобы оно носило общественно опасный либо противоправный характер.

Вторым условием является наличие опасности. В теории уголовного права под ней понимают признак, характеризующий непосредственную и неизбежную, уже возникшую и еще не прекратившуюся угрозу каким-либо правоохраняемым интересам. Как вероятная, возможная при стечении определенных обстоятельств, так и устраненная или миновавшая опасность не создают состояния крайней необходимости [12].

В качестве необходимого признака правомерности крайней необходимости называется также действительность опасности (опасность должна существовать в действительности, а не в воображении человека).

Объект вредопривносящего деяния составляют законные интересы и блага невиновных третьих лиц, общества и государства.

В этом предписании определяются следующие условия правомерности крайней необходимости:

1) защитные действия не должны состоять в явном несоответствии с характером и степенью угрожавшей опасности. Указание на характер опасности (а характер, как известно, определяется объектом опасности) позволяет сделать следующий вывод: объект защитных действий не должен быть более значимым, чем объект опасности. Например, при возникновении опасности для жизни защищаемого он вправе причинить вред любым охраняемым законом интересам, вплоть до причинения смерти третьему лицу;

2) нарушаемым интересам не должен быть причинен вред равный или более значительный, чем предотвращенный. В таком случае причинение смерти будет признаваться правомерным только в ситуации спасения жизни нескольких лиц.

Не следует механически подходить к соотношению объектов опасности и защиты: важно оценивать не только качественную, но и количественную характеристику спасаемых и нарушаемых прав, обстоятельства причинения вреда (условия места, времени и др.), а равно эмоциональное состояние лица, вынужденного принимать решение в экстремальных условиях самозащиты.

Причинение смерти человеку в состоянии крайней необходимости возможно только в исключительных случаях (при спасении жизни нескольких лиц, обеспечении важнейших государственных и общественных интересов, охраны мира и безопасности человечества).

С объективной стороны самозащита в состоянии крайней необходимости характеризуется действиями, направленными на причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам.

Для признания этих действий правомерными важно установить следующие признаки объективной стороны:

1) последствий, позволяющих установить соразмерность причиненного вреда. Вред, причиняемый интересам третьих лиц при устранении опасности, должен быть менее значительным, чем вред предотвращенный. Но это не означает, что «вред должен быть наименьшим из возможных» [13]. Такое мнение не соответствует содержанию ст. 39 УК и ставит под сомнение предупредительный и защитный потенциал рассматриваемого института. Если это условие соразмерности причиненного вреда не соблюдается, наличествует превышение пределов крайней необходимости и лицо подлежит ответственности в соответствии с нормами Особенной части УК со ссылкой на п. «ж» ч. 1 ст. 61 УК;

2) времени осуществления защитных действий (требование своевременности защиты). Реализация права на самозащиту ограничена временными рамками: с момента возникновения опасности причинения вреда личности и правам данного лица или иных лиц, охраняемым законом интересам общества или государства до ее устранения. Если деяние совершается вне этих рамок, оно признается преступным и подлежит оценке на общих основаниях.

В целом объективная сторона права на самозащиту в состоянии крайней необходимости характеризуется причинением менее значимого вреда, чем предотвращенный, в период существования реальной опасности причинения вреда охраняемым уголовным законом интересам.

Сознательно-волевой характер поведения отражает субъективную сторону защитных действий. Здесь, как и в ситуации необходимой обороны, наличествует цель защиты собственных прав либо интересов третьих лиц. Отсутствие этой цели исключает как крайнюю необходимость, так и превышение ее пределов.

Примечания:

1. Сидоренко Э.Л., Телятников А.А. Обеспечение безопасности личности в российском уголовном праве. М., 2010. С. 102, 113.
2. Федосова Е.Ю. Необходимая оборона в Российском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 4.
3. Пархоменко С.В. Деяния, преступность которых исключается в силу социальной полезности и необходимости: дис. ... д-ра юрид. наук. Иркутск, 2004. С. 202.
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1972. С. 210, 395.
5. Михайлов С.М. Нормативно-правовая защита прав и свобод человека и гражданина: дис. ... канд. юрид. наук. Чебоксары, 2005. С. 45.
6. Телятников А.А. Обеспечение безопасности личности в уголовном праве: дис. канд. ... юрид. наук. Ставрополь, 2009. С. 95, 139.
7. Комментарий к УК РФ. Общая часть / под ред. Ю.Ф. Скуратова, В.М. Лебедева. М., 1996. С. 97.
8. Таганцев Н.С. Русское уголовное право: лекции. Часть общая: в 2 т. Т. 1. М., 1994. С. 194.
9. Познышев С.В. Основные начала науки уголовного права. М., 1907. Вып. 1. С. 136.
10. Собрание Законодательства РФ. 2003. № 50. Ст. 4848.
11. Юридическая конфликтология. М., 1995. С. 48-49.
12. Зуев В.Л. Необходимая оборона и крайняя необходимость. Вопросы квалификации и судебно-следственной практики (на основе нового УК РФ). М., 1996.
13. Кириченко В.Ф. Значение ошибки по советскому уголовному праву. М., 1952. С. 87.